

Мууса Оянен

Русско-финские языковые контакты

Studia Rossica Posnaniensia 26, 127-136

1995

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

РУССКО-ФИНСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

RUSSIAN-FINNISH LANGUAGE CONTACTS

МУУСА ОЯНЕН

ABSTRACT. In this article the author discussed the problem of language contacts between the two neighbouring nations – Russian and Finnish – in the historical, cultural and social environments.

Muusa Ojanen, University of Joensuu, Venäjän kielen laitos, Joensuun yliopisto, PL 111, 80101 Joensuu, Finland.

В настоящее время все большую актуальность приобретают лингвистические исследования в области языковых контактов. Язык того или иного народа не существует обособленно, вне связей с другими языками. Нет ни одного языка, который был бы свободен от чужеродного. Чем длительнее и интенсивнее контакты, тем больше в язык проникает инородных слов, выражений, структурных единиц. Достаточно длительные, мощные контакты, в частности, при двуязычии, приводят к проникновению иноязычных элементов во все уровни языка – фонетико-фонологический, лексический, семантический, морфологический, синтаксический, хотя степень проницаемости на каждом из данных уровней различна. Самой стойкой в любом языке является морфологическая система, наиболее податливой – лексическая¹.

При исследовании языковых контактов различных этносов лингвисту приходится учитывать ряд экстралингвистических факторов, оказавших и оказывающих влияние на языковую реальность. Установление причинно-следственных отношений и взаимосвязей между языком и экстралингвистическими факторами способствует выявлению языковых реалий и их изменений на всех уровнях языка.

В статье рассматривается влияние русского языка на генетически инородный финский язык в свете возникновения и развития ис-

¹ A. Laanest, *Einführung in die ostseefinnischen Sprachen*, Hamburg 1982; M. Ojanen, *Adjektiivikategoria venäläis-lyydiläisissä kontakteissa. Lingvistinen interferenssitutkimus*, Helsinki 1985.

торических, культурных и религиозных связей между двумя соседними народами – финнами и русскими.

Культурные и экономические контакты русских и прибалтийско-финских племен, т.е. предков современных финнов, эстонцев, карелов, вепсов, ливов и води, начались около 1500 лет назад в связи с появлением первых русских колоний на побережье Ильменского и Ладожского озер². В те далекие времена Финляндия еще не представляла собой единого территориально-государственного образования. Юго-западную часть субконтинента заселяло племя сумь (суоми), центральную часть емь – (хяме), а восточная часть принадлежала карелам. Эти племена во многом отличались друг от друга и часто враждовали между собой. В 1151 г. шведы предприняли крестовый поход, в результате которого было обращено в католичество племя сумь. Сто лет спустя шведские крестоносцы покорили племя емь. Третий крестовой поход (1293 г.) закончился завоеванием западных частей Карелии. При своем продвижении на восток шведы встретили сильного противника – Новгородское княжество. Уже с XI века карелы были тесно связаны со славянами, а с XII в. южная часть Карелии входила в состав территории Новгородской республики. Официальное крещение населения Восточной (Приладожской) Карелии произошло в 1227 г. Приблизительно в это же время новгородцы совершили поход вглубь Финляндии, где им удалось окрестить часть жителей Саво.

В конце XIII в. – начале XIV вв. между новгородцами и шведами происходили постоянные столкновения, закончившиеся Ореховским миром в 1323 г. Тогда впервые была установлена граница между Швецией и Новгородом. Она пролегла от Карельского перешейка и берегов Финского залива до Ботнического залива. Западные карельские земли отошли к Швеции. Это не была граница в буквальном смысле слова, так как жители Саво продолжали расширять свои поселения на восток, что приводило к постоянным пограничным конфликтам между Швецией и Новгородом. Постепенно власть Новгорода и его союзников, карелов, была вытеснена с побережья Ботнического залива. Граница была заново установлена Тявзинским мирным договором (1595), но теперь она пролегла восточнее прежней границы.

В середине XVI в. как в Швеции, так и в Финляндии была проведена лютеранская реформация, которая ознаменовалась переводом Библии и способствовала зарождению финской письменности. Вследствие реформации земли католического духовенства были

² V. Uiboruu, *Meie ja meie hõimud: peatükke soomeugrilaste minevikust ja olevikust*, Lund 1984.

переданы шведскому дворянству. Завладев Финляндией, Швеция постоянно угрожала русским позициям на Балтийском море, что приводило к неоднократным военным столкновениям. Согласно Столбовскому мирному договору (1617), Швеция получила Кексгольмскую губернию и Ингерманландию, отрезав таким образом Россию от Балтийского моря.

Утвердившаяся к XVI веку в Карелии православная вера имела большое политическое значение, так как она духовно объединила карело-финнов с русскими. Карелы Кексгольмской губернии, не желая переходить в лютеранскую веру и платить дань Швеции, покинули родные места и переселились вглубь России (т.н. тверские карелы). На опустевшей территории (современная губерния Похьойс-Каръяла) появились новые жители-пришельцы из Саво. В XVIII в., по мере того как росла мощь России, началось ее продвижение на запад. В течение этого века Финляндия претерпела несколько русско-шведских войн, а ее восточные земли переходили то во владение России, то Швеции. В интересах России было обеспечить себе выход к Балтийскому морю и защитить новую столицу Санкт-Петербург от возможных нападений с запада. В середине XVIII века Швеция лишилась всей Выборгской губернии и частично Кексгольмской губернии. В результате русско-шведской войны 1808-1809 гг. Финляндия была целиком захвачена русскими и превратилась в Автономное Великое Княжество Финляндское. Россия дала стране исключительные для той поры возможности развивать свою культуру, экономику и торговлю. Финляндия сохранила не только свою лютеранскую веру, шведский язык как официальный, но и всю шведскую систему правления. Россия сознательно поддерживала стремления Финляндии отделиться от Швеции и создать свою финскую культуру. Поэтому неудивительно, что финская литература, зародившаяся в середине XVIII в., продолжала развиваться и в период автономии. В конце XIX в. либеральная политика России изменилась по отношению к Финляндии, началась пора русификации и политической реакции, которая продолжалась вплоть до октябрьской революции. Шестого декабря 1917 г. Финляндия стала независимой республикой.

Все вышеизложенные исторические события не могли не отразиться на финском языке. Уже в прошлом веке ученые обратили внимание на то, что в финском языке встречаются слова русского происхождения. В нашем веке ценный вклад в исследование этих заимствований внесли Й. Й. Миккола, Яло Калима, В. Кипарский, И. Вахрос и многие другие финские ученые.

В 1973 г. вышла в свет обобщающая монография немецкого ученого А. Плегера *Die russischen Lehnwörter der finnischen Schrift-*

sprache. Согласно А. Плегер, в современном финском литературном языке насчитывается немногим более 350 русских заимствований. Из них приблизительно 80 слов составляют наиболее древний слой. Они датируются IX-XII веками и встречаются во всех прибалтийско-финских языках. Среди них представлены различные семантические группы, свидетельствующие о значительном и многостороннем культурном влиянии восточных славян. Это слова, связанные с земледелием (напр., *ies* – *ikeen* 'иго', *sirppi* 'серп', *kuomina* 'гумно'), ткацким делом (напр., *kuontalo* 'кудель', *kuosali* 'кужель', *käämi* 'цевка', *palttina* 'полотно', *pirta* 'бердо', *värttinä* 'веретено'), с жилищем и хозяйством (напр., *pirtti* 'изба', ср. перть, *akkuna* 'окно', *pätsi* 'печь', *lusikka* 'ложка', *piirakka* 'пирог', *läävä* 'хлеб'), с торговлей и общественной жизнью (напр., *turku* 'торг', *määrä* 'количество', ср. мера, *tavara* 'товар', *raja* 'граница', ср. край, *suntio*, 'церковный служитель', ср. судья, *vapaa* 'свободный'). Слова *pappi* 'поп', *pakana* 'язычник', ср. поганный, *risti* 'крест', *räähkä* 'грех', *kuoma* 'кума' свидетельствуют о том, что прибалтийско-финские племена узнали о христианской вере от восточных славян. Для славистов эти первые заимствования представляют особый интерес, так как в них отражаются некоторые фонетические изменения, имевшие место в древнерусском языке. Существительные *kuontalo* 'кудель' и *suntio* 'судья' заимствованы в период, когда в древнерусском языке еще имелись носовые гласные. В словах *lusikka* 'ложка' и *akkuna* 'окно' отражаются сохранявшиеся ко времени заимствования редуцированные гласные, в существительных *määrä* 'мера' и *läävä* 'хлеб' долгий гласный *a* свидетельствует о наличии долгого гласного *ь*³.

Фонетический облик заимствований, вошедших в финский язык после XII в., не дает возможности достоверно установить точное время их появления в языке. Поэтому при датировке исследователи опираются на письменные источники, хотя многие слова были, бесспорно, известны в живой речи уже задолго до того, как они были зафиксированы в письменности. В литературных документах XVII в. встречается лишь несколько русских заимствований (напр., *rotu* 'порода', ср. род, *vari* 'горячий', ср. вар, *voro* 'вор'). В литературе XVIII в. обнаружено более 70 слов (напр., *kapakka* 'кабак', *kasku* 'история, анекдот', ср. сказка, *patukka* 'батог', *pohatta* 'богатый', *porkkana* 'морковь', ср. боркан, *rosvo* 'разбойник', *siisti* 'чистый', *tolvana* 'болван', *torakka* 'таракан', *toveri* 'товарищ'), а в XIX – начале XX вв. русских слов насчитывалось уже более 200 (напр., *artteli* 'артель', *kasarmi* 'казарма', *kutrit* 'кудри', *majakka* 'маяк', *re-*

³ J. J. Mikkola, *Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen*, Helsinki 1894; J. Kalima, *Slaavilaisperäinen sanastomme*, Helsinki 1952.

montti 'ремонт', *potra* 'бодрый', *tolkku* 'толк', *tyrmä* 'тюрьма', *tökötti* 'деготь', *viesti* 'весть')⁴. Нередко заимствованное слово приобретает новое значение или новую стилистическую окраску, напр., *kipeli* 'затруднительное положение', ср. гибель, *sapiska* 'упрек, порицание', ср. записка, *urakka* 'подряд', ср. урок, *koni* 'кляча', ср. конь, *potto* 'начальник', ср. помощник.

Количество русских заимствований росло по мере того, как росла политическая значимость России. В целом, однако, русские заимствования в финском литературном языке дают весьма скромную картину о воздействии русского языка на финский. В действительности влияние было более интенсивным и значительным. Об этом свидетельствуют многочисленные и пока еще недостаточно изученные заимствования, встречающиеся и встречавшиеся в разные времена в диалектах и разговорном финском языке. Так, например, названия обуви, заимствованные из русского *virsu* 'лапоть' (ср. русск. верзень) и *saapas* 'сапог' являются общезападными. Однако наряду с ними в восточных диалектах бытовали наименования *kotti* 'валенок' (ср. русск. коты 'женские сапожки'), *laapotti* 'лапоть', *pahkilas* 'тяжелый сапог' (ср. русск. бахилы), *pasmakka* 'башмак', *tupikas* 'лапоть' (ср. русск. ступни)⁵. В XIV-XVI вв., т.е. в те времена, когда почти вся Карелия и частично Саво находились под властью России, в финские диалекты проникло много терминов, связанных с общественной жизнью, напр., *aparakka* 'оброк', *jaama* 'яма', *miero* 'мир', *piisma* 'письмо', *pokosta* 'погост', *pätinä* 'пятина', *sastava* 'застава', *sopora* 'собор', *taarosta* 'староста', *tereuna* 'деревня'⁶. После Столбовского мира в финском языке утвердилась шведская законодательная и общественная терминология, которая постепенно вытеснила русские заимствования.

Распространение русских слов в финских диалектах в свете данных начала XX в. представляет собой пеструю картину. В XVIII и XIX вв. в финских говорах Карельского перешейка, Выборгской губернии и Ингерманландии появилось особенно много русских терминов, связанных с торговлей, ремеслами, инструментами, едой, посудой (напр., *kalinkuori* 'коленкор', *litensi* 'леденцы', *lotniekka* 'плотник', *pottoijaama* 'помойная яма', *rosnossikka* 'разносчик', *saikka* 'сайка', *saiu* 'чай', *sainoi* 'чайная', *torkuvoida* 'торговать', *vortuska*

⁴ A. Plöger, *Die russischen Lehnwörter der finnischen Schriftsprache*. Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica, Band 8, Wiesbaden 1973.

⁵ И. Вахрос, *Наименования обуви в русском языке. Древнейшие наименования, до Петровской эпохи*, Хельсинки 1959; I. Vahros, *Venäjä ja suomen kielen kosketuksista jalkaverhojen nimitysten alalla*. Virittäjä, Helsinki 1960.

⁶ V. Ruoppila, *Venäläisiä lainasanoja yhteiskuntaelämän alalta*, Virittäjä, Helsinki 1983.

'форточка')⁷. Это вполне понятно, поскольку Выборгская губерния или т.н. „Старая Финляндия”, вошедшая в состав Русской империи еще при Петре Великом, испытала на себе сильное воздействие русской культуры и русского языка. А близость Петербурга чувствовалась особенно в Ингерманландии, заселенной в основном финнами-лютеранами. Слова русского происхождения, распространившиеся не только в Приладожской Карелии, но и в говорах Похьойс-Каръяла, Саво и даже Эстерботнии, были заимствованы раньше, в основном до XVII в., т.е. до Столбовского мира⁸. Нередко русские заимствования соблюдают линию старых государственных границ. Так, например, диалектное слово *läsiä* 'бездельничать, болеть' (ср. лежать) не пересекло границы Тязвинского мира. Это дает возможность предположить, что глагол *läsiä* был заимствован до XVII в., но не ранее XIV в. Существительное же *karusta* диалектное 'копыстка' (т.е. поварешка) соблюдает границу Ореховского мира⁹.

Новая политическая ситуация, сложившаяся в начале XIX в., изменила коренным образом жизнь финнов не только окрестных районов, но и всей Финляндии. Финские крестьяне ездили в Петербург торговать продовольственными товарами, занимались извозчиками, дворниками, прачками, кухарками и пр. По статистическим данным в конце XIX в. в России проживало 40 000 финнов, из них больше половины в Петербурге. К тому же петербургские семьи стали проводить летние месяцы на Карельском перешейке. Согласно данным, в эти „дачные периоды” на перешейке отдыхало до 90 000 человек¹⁰. Типичным для заимствований этого времени являлось то, что они, распространяясь устным путем, часто искажались до неузнаваемости, напр. *potsonnuskoi* 'подсолнечное масло',

⁷ V. Ruoppila, *Venäläisperäistä sanastoa suomen murteissa*, Jyväskylä 1986. Первоначально Ингерманландию заселяли воль, эстонцы и другие прибалтийско-финские племена. В XVII в., после Столбовского мира, в Ингерманландии образовалось значительное финскоязычное население. Это были в основном переселенцы из восточных и юго-восточных частей Финляндии. Финны переезжали в Ингерманландию и в последующие века, вплоть до начала XX в. Первые русские жители появились в Ингерманландии в XI в. После основания Петербурга число русского населения значительно возросло. (См. H. H a a r m a n n, *Die finnisch-ugrischen Sprachen. Soziologische und politische Aspekte ihrer Entwicklung*, Hamburg 1984).

⁸ Следует учитывать тот факт, что уже в середине века торговля играла немаловажную роль в развитии русско-финских связей. Русские и карельские купцы и скупщики совершали свои торговые походы вплоть до Ботнического залива. Торговые отношения между „русскими” и „финскими” карелами были оживленными и в те годы, когда государственная граница официально этому препятствовала. (См. напр., *Россия и Финляндия. Торговля, промыслы, крупная промышленность*, Ленинград 1981).

⁹ V. Ruoppila, *Kalevala ja kannsankieli*, Helsinki 1967; H. Leskinen, *Pohjois-Karjalan murteet - silkkaa savoa vai katoavaa karjalaa?* Carelia rediviva, Joensuu 1987.

nakoma 'знакомый', *potsojona* 'лежа почивать', *elehvä* 'олифа'. Искажался не только фонетический облик, но нередко менялось и значение заимствований, например, от русского слова *монах* встречаются варианты *manahka* 'человек маленького роста', *tankara*, *tankki*, *marahka* 'маленький мальчик'; от глагола *молить* образовалось слово *molikoida* 'укорять'; *orehka* 'печенье, пряник', ср. русск. *орех*. Некоторые из этих новых заимствований распространились по всей Финляндии (напр., *issika*, *vossikka* 'извозчик', *reuhka* 'треух', *juppa* 'юбка', *parisniekka* 'барышник', *pulitta* 'платить, надувать', ср. русск. арг. *пулить*). Немаловажную роль при этом процессе сыграли русские и карельские барышники и коробейники. В литературный язык эти заимствования, как правило, не вошли.

В годы автономии в Финляндии появилось немало русских чиновников, военных, купцов, ремесленников. По статистическим данным, например, в гарнизонном говоре Лаппеенранта 20% населения было русскоязычным, а 40% купеческого сословия Хельсинки (Гельсингфорса) были выходцами из России. В 1917 г. в Финляндии находилось 125 000 русских военных. Следует, однако, отметить, что русскоязычных финляндских граждан в Финляндии никогда не было много (в 1900 г. 6000, в 1920 г. около 5000, в 1930 г. более 8000, в 1970 г. 16080)¹¹. В период автономии русская власть сосредоточивалась в Хельсинки. В разговорной речи жителей столицы, которые были еще в ту пору в основном шведскоязычными, стало появляться все больше русских слов, например *arsina* 'аршин', *kupetsi* 'купец', *kvassi* 'квас', *paslikka* 'башлык' *prikaasi* 'приказ', *sinelli* 'шинель', *piissari* 'писарь', *pumaaka* 'бумага', *platformi* 'платформа', *soromnoo* 'все равно'). Большинство из этих общонародно-разговорных слов вышло из употребления в течение XX в., но некоторые из них бытуют и по сей день в слэнге или просторечии: *bonjata* 'понимать', *hotsia* 'хотеть', *mesta* 'место', *olla liesussa* 'гулять' (ср. русск. *быть в лесу*), *safka* 'еда' (ср. русск. *завтрак*), *snaijata* 'понимать' (ср. русск. *знать*)¹².

В восточных и юго-восточных диалектах финского языка встречаются не только прямые заимствования, но и кальки русского происхождения, напр., *tielehti* 'дорога + лист' 'подорожник', *maitotie*

¹⁰ M. Leinonen, *Языковые контакты между русским и финским языками*. „Studia Slavica Finlandensia”, Tomus V, Helsinki 1988.

¹¹ M. Leinonen, *Suomen venalaisten historiaa*. Skrifterna utgivna av institutionen for filologi II vid Tammerfors universitet, Tampere 1987; N. Baschmakoff & M. Leinonen, *Из истории и быта русских в Финляндии 1917-1939*, „Studia Slavica Finlandensia”, Tomus VII, Helsinki 1990.

¹² M. Leinonen, *Языковые контакты между финским и русским языками*, Исследования по русскому языку и литературе IV, Тампере 1986.

„молоко + дорога” ’млечный путь’; *d’umalan lehmäine* ’божья коровка’¹³. Своего рода кальками являются некоторые пословицы и поговорки, перешедшие в финский язык, очевидно посредством карельского языка, напр., *Yheksän ei yhtä vuota* ’Семеро одного не ждут’, *Jyrki tuopi takkasella, Miikkula koko reellä* ’Егор с кузовом, а Никола с возом’, *Maksu velan kaunistaa* ’Долг платежом красен’, *Mitä mielessä, sitä kielessä* ’Что на уме, то и на языке’¹⁴.

Очевидно, что как пословицы, так и многие русские заимствования, встречающиеся в финских восточных диалектах, были первоначально освоены карельскими говорами, ср., напр., финск. диал. *ikramoida* ’умничать’, карельск. *ikraija, ikramoija* ’веселиться’ (русс. *играть*), финск. диал. *läsiä* ’болеть’, карельск. *läsie, läzie* ’болеть’ (русс. *лежать*), *poto* ’начальник’, карельск. *potosniekka, potosikka* (русс. *помощник*).

Возможное влияние русского языка на словообразование, морфологию и синтаксис восточно-финских диалектов пока еще почти не изучено. Однако есть основания предполагать, что оно имело место.

Любопытно отметить, что многие финские фамилии восходят к русским православным именам, например *Riikonen* (Гриша), *Korkkanen* (Григорка), *Makkonen* (Макар), *Lipponen* (Филип), *Koistinen* (Костя), *Pesonen* (Пеша), *Timonen* (Тимофей). Популярность этих фамилий в Саво подтверждает лишний раз тот факт, что население вышеназванных районов было в свое время православным. После Ореховского мира оно постепенно перешло в лютеранство, но старые имена продолжали существовать. В восточных районах Финляндии встречаются нередко также и топонимы, образованные от русских имен. На территории Похьойс-Карьяла таких топонимов обнаружено около 150 (напр., *Koronmäki, Ontronlahti, Miinoonsalmi*)¹⁵

В настоящее время заимствованные в разное время русские слова постоянно выходят из употребления. При более близком рассмотрении становится очевидным, что из 350 заимствований финского литературного языка, названных А. Плегер, менее 50% входит в активный словарный запас современного финна. Это в основном нейтральная лексика (напр., *määrä* ’количество’, *lusikka* ’ложка’, *raja* ’граница’, *porkkana* ’морковь’, *paperi* ’боб’). Многие слова, связанные с земледелием, кустарной промышленностью, транспортом, одеждой, уже давно устарели. Так же обстоит дело и со сло-

¹³ М. Оянен, *Mitä mielessä, sitä kielessä*. Virittäjä, Helsinki 1987.

¹⁴ Р. Накамие, *Venäläisten sananparsien vaikutus karjalaiseen ja suomalaiseen sananparsistoon*, Mänttä 1986.

¹⁵ А. Рәйсәнен, *Itäsuomalaisista sukunimistä. Rajamailta*, „Studia Carelica Humanistica” I, Joensuu 1989.

вами, заимствованными в период автономии и связанными с общественной жизнью и с государственным строем. Часть заимствованных используется в специальной литературе. Это историзмы (напр., *aprakka* 'оброк', *posadnikka* 'посадник', *pajari* 'боярин', *kulakki* 'кулак') и этнографические термины (напр., *kolpista* 'голбец', *kosseli* 'косуля', *säpsä* 'чепец', *värttinä* 'веретено'). Слова русского происхождения исчезают также и из говоров. В вышедшем недавно сборнике диалектных текстов, записанных в Похьойс-Каръяло в 1970-1980 гг., насчитывающем 6000 слов, русских заимствований лишь сорок¹⁶.

Однако в последние десятилетия наблюдается своеобразное возрождение некоторых заимствованных слов. В конце 1960-х – в начале 1970-х гг. финны начали интересоваться русской культурой, русским языком. Путешествуя по Советскому Союзу, они познакомились с русской кухней, научились пользоваться сметаной (*smetana*), готовить солянку (*soljanka*), борщ (*borssi*), печь блины (*blinit*), пить чай из самовара (*samovaari*). Все эти слова были известны финнам уже в прошлом веке, но на время забыты.

Следует упомянуть еще об одном косвенном влиянии русского языка на финскую лексику. По мирному договору 1944 г. Финляндия лишилась своих территорий с карелоязычным населением. Все 423 000 финских карелов были эвакуированы в Финляндию и расселены по разным губерниям и округам. Как лютеранские, так и православные карелы-переселенцы сравнительно быстро ассимилировались с коренным населением. Но наряду с этим они сохранили многие из своих старинных обычаев и традиций. Некоторые из них были переняты финнами, а вместе с ними и названия. Интересно отметить, что многие из этих слов не являются исконно карельскими, а заимствованиями из русского, например, *praasniekka* 'праздник', *tsasouna* 'часовая', *rotinat* 'родины', *vatruska* 'ватрушка', *ra-sha* 'пасха', *sirmakka* 'шарманка', *jarmanka* 'ярмарка' (ср. русск. диал. *ярмарна*), *sultsinat* 'праздничные пироги' (ср. русск. диал. *суленики*).

Финско-русские контакты не были односторонними. Правда, в русский литературный язык проникло лишь несколько слов финского или финско-карельского происхождения, напр., *камбала* (финск. *kampela*), *корюшка* (финск. *kuore*), *морж* (финск. *mursu*), *рига* (финск. *riihi*), *ряпушка* (финск. *gäärys*), *сиг* (финск. *siika*)¹⁷. Однако в севернорусских диалектах таких слов гораздо больше. Некоторые ученые предполагают, что их несколько тысяч. Уже в начале

¹⁶ H. Forsberg, *Pohjois-Karjalan murrenäjytteitä*, Joensuu 1988.

¹⁷ M. Vasmer, *Russisches etymologisches Wörterbuch*, Band 1-3, Heidelberg 1953-1958; V. Kiparsky, *Russische historische Grammatik, Die Entwicklung des Wortschatzes*, Heidelberg 1975.

века финский ученый Я. Калима обнаружил в севернорусских диалектах более 500 прибалтийско-финских заимствований¹⁸. Об интенсивности русско-карельских контактов говорит и тот факт, что в местных севернорусских говорах встречаются заимствования, синонимичные общерусским словам. Например, в русских говорах, распространенных на территории Карелии, встречаются такие синонимы, как *киндут* – *ноги*, *кярзя* – *пяточок*, *легма* – *корова*, *лузик* – *ложка*. Часто встречаются и кальки, напр., *загожься вошь* 'клещ' (карельск. *kägöint'äi* „кукушья вошь”; русск. диал. *загозка*, *загожка* 'кукушка'), *загожься ягоды* 'волчьи ягоды' (карельск. *kägöinmarjad* „кукушья ягоды”), *вороньи сапоги* 'цыпки' (карельск. *variksen saap-roat*).

Несмотря на многовековые и временами весьма интенсивные контакты, в финский литературный язык проникли лишь лексические элементы. На наш взгляд, это объясняется следующим. Русский язык в Финляндии никогда не имел статуса государственного языка и широкие массы никогда не владели им; благодаря лютеранской реформации финский литературный язык начал формироваться сравнительно рано; финская интеллигенция ориентировалась в основном на Запад; в Финляндии никогда не было сильного финско-русского двуязычного населения; на протяжении истории финны не жили рядом с русскими, а финскую восточную границу „оберегали” жители Карелии и Ингерманландии. Они представляли своеобразный форпост, который впитывал в себя много русского, но из которого на запад просачивалась лишь незначительная часть русских элементов.

¹⁸ J. Kalima, *Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen*, Helsinki 1919.